

Дмитрий Фурманов

«Виринея» Л. Сейфуллиной



Дмитрий Фурманов
«Виринея» Л. Сейфуллиной

«Public Domain»

1925

Фурманов Д. А.

«Виринея» Л. Сейфуллиной / Д. А. Фурманов — «Public Domain»,
1925

ISBN 978-5-457-30611-0

«...Дважды прочитал я «Виринею», и дважды острое чувство боли сжало сердце, когда убили Вирку: так тяжело бывает только при гибели дорогого, близкого человека. Это Вирка-то близкая? Это Вирка-то дорогая? Такая буйная и распутная, такая дикая, необузданная, вздорная баба?...»

ISBN 978-5-457-30611-0

© Фурманов Д. А., 1925
© Public Domain, 1925

Дмитрий Андреевич Фурманов «Виринея» Л. Сейфуллиной

Дважды прочитал я «Виринею», и дважды острое чувство боли сжало сердце, когда убили Вирку: так тяжело бывает только при гибели дорогого, близкого человека.

Это Вирка-то близкая? Это Вирка-то дорогая? Такая буйная и распутная, такая дикая, необузданная, вздорная баба?

Помнится мне: в жарком бою вражьи пулеметы косили по нашим цепям. И падали бойцы, выбывая один за другим, разрезая ряды. В лихорадочном гуле и гаме и свисте некому было за ними следить – и кто упал, кто пропал – того не знали. Одни оставались недвижны на поле, других кто-то с тылу успевал стащить к повозкам, и там их грузили спешно, с тупым и холодным безразличием, грузили привычно, словно арбузы – по двое, по трое, укладывали в ряд, увозили с поля брани. Всем, кто грузил и кто увозил, было тяжело, но какою-то смутной, невыясненной болью, разом за всех и ни за кого особо.

Хмур и суров стоял командир полка, отдавал приказанья крепким и кратким словом, молча взглядывал на возы, что-то метил в походную книжку.

– Убили ротного Гришука, – сказал кто-то тихо и жутко.

Командир полка вскинул бровью и не сказал ни слова. Стоял и метил снова книжные листочки.

– Убили двух батальонных! – коротко крикнул кто-то страшным криком.

Вздрыгнул командир полка, но остался на месте, сказал, как надо было сказать, сменил двоих и снова стоял – метил книжку, глядел на мертвые возы.

И вдруг не своим кто-то голосом пронзительно взвизгнул над ухом командира:

– Разведчика Пашку Сычева убили!

– Как убили? – резко вскрикнул командир.

– Убили наповал, – словно кувалдой ударил голос.

И я увидел в широких, вдруг потускневших глазах сурового командира – слезы: они сбежали торопливо на щетинистые, небритые щеки и там пропали. Это было только миг. А потом он, как прежде, стоял на посту, отдавал приказанья, метил книжку, следил возы с бойцами, снарядами, ловил летучие вести – делал то, что надо делать командиру в бою.

И когда я спросил потом командира, отчего он слезою в бою помянул Пашку Сычева, малого разведчика, отчего легче принял вести о том, что побиты ротные, батальонные командиры; когда я вспомнил ему, что Пашка Сычев – озорной буян, что Пашка не слушал никогда чужую команду, что Пашке нельзя было многого верить – он своей волей все может кувырнуть кверху дном, – когда я все это сказал командиру полка, – он проникновенным взором посмотрел мне в глаза и ответил:

– А свежее нутро у Пашки ты чуял?

И, не дождавшись моего ответа, добавил.

– Из Пашки я себе готовил смену – он был крепче и ротных и батальонных, хоть верные они были ребята. Пашка не взнуздан и дик, зато силу большую имел человек у себя в нутре. И я эту силу в нем приметил, я бы той силе и линию дал, Пашкина сила только линию одну и ждала. Ан не вышло. Батальонных, на место тех – других сыщем, ну, а вместо Пашки вот – поискать... Да и не найдешь... Потому – хоть чумной, да редкий они народ...

И с большой тоской в сухих глазах положил командир голову на крепкую широкую ладонь. Мы с ним больше про Пашку Сычева никогда не говорили, и я про Пашку забыл, а вот теперь, когда убили Вирку, мне вспомнился он, этот невзнузданный, непокорный, лихой разведчик. И видно, не зря вспомнился – нутро у них одинаково ядреное и свежее, сила у обоих – крепкая, недюжинная.

Рассказ про Вирку короток и прост.

Невенчанная жена слабосильного Васьки – томится Виринея в скучной, тошной, пустой жизни. Ваську бросает, перебивается с гроша на копейку, прирабатывает тут же, на деревне, по крестьянским семьям или в бараках – буйная, непокорная, неприступная. С фронта пришел Павел Суслов. Виринея «по-хорошему» сошлась с ним, живет, а когда ударила революция, втягивается понемногу и в самую борьбу. Эта полоса у ней коротка – скоро Вирка трагически погибает. Первая наша встреча с Виринеей – во дворе, у хаты. Мы еще ничего про нее не знаем, но уже по первым словам чувствуем сразу в ней самостоятельность, неподатливость, внутреннюю силу. Тут, видите ли, инженер один ее Ваську в город послал за табаком, что ли, в скверную погоду, больного-то. Инженер пришел наведаться и вдруг увидел красавицу Вирку. Как увидал, так и приковался, не хотел уходить, – ластится, юлит, заговаривает. Другая, глядишь, польщена была бы в те времена этим «вниманьем», а Вирка словно водой студеной оплескивает «барина» своей холодной, насмешливой речью.

«Полное ведро помоев вынесла, – сказала недружелюбно:

– Посторонись, барин, оболью!

Вошел инженер в избу, нацеливается, прилаживается, как бы поудобней приступить к Вирке.

– Хочу у вас подождать, пока ответ принесут. Я вам не помешаю?

Криво, неласково усмехнулась.

– Скамейку не просидите поди. А нам какая помеха?»

И через пару минут добавит ему еще крепче: «– А лучше шли бы вы домой, в чисту горницу, чем в нашем закутке дух наш мужичий нюхать. Принесет Василий что надо, мы к вам доставим...»

Это не просто норов злой и неприветливый прорвался в Вирке – это заговорило в ней протестующее сердце, это окатывает она неровню, чужого «барина», это гудит в ней здоровый инстинкт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.